

Валерий Ухандеев

г. Польша

Агенснега

Агнец снега в поздних окнах крестных строк стал пол-ночным знаком качества омгновененного незнания. Как транскрипция облака выпадают буквы снега в обоюдную обособленность никогда и некогда.

Выходит, окна выходят в поле времени. Напольные часы напоминают двери. Снежинка пентаграмму и циферблат. Снег свет о осведомлённость о комнате и о часах, сто-

ящих у излучены почасового обмеления незнания.

Промаях времени, словно вечерний снегослов напомнил до краёв огорчением кириллицу оконных рам заброшенного дома. Из вне, из не изымается тень или день, а может быть очередноелетие.

Время светлеет и имя с нечётным количеством гласных, ветошью неба, с окна стирает. Буквы как стулья мгновения выговором красной строки цепляются за карандашный ошейник. В черновике как в зеркале ищу себя. Напольные часы пришли к прямолинейности обоев. В поле неба плод мысли прозрением зреет на столярных ветках окна.

Снежинка – точка времени, воздуха и воды. Снег состоит из неба и воды, дотянувшись до земли он становится зимовидным. Сколько нужно шагов чтобы коснуться земли, снег валится с ног в падеже просительном. И дрожит на оконном стекле стволочная капля зрительного нерва, словно в поле зрения вот этого черновика, атом ледосферы просит противотаянья. Где много снега там еще неба, и окном моего дома оно востребовано, чтобы не просмотреть меня. Снегорсть прозрения как предвечернее зеркало окна на дне капли дня. Призрачность прозрачности уходит корнями в словопрелитие имени снегоприминительно ко всему что станет прозеркаленным. В вечернем окне концентрируется гипномагическая власть светоугасания. И снеговправданность каждой белой темы падающих строк в занозах букв. Снеугольные эскизы, обездороженного не тонут в кругоразмытом зеркале крепкого чая. С неопознанным отторжением земнословие поздних снегов в високосном отрывке настольного вечерника причисляется светотаяньем имени к причинам остановки дня.

С нескрываемым отрицанием от лица открытого окна шторы. Словно бинт и шарф обхватывают заупокойным вниманием лоб и горло обыденности. Снеговговоренной отстранённостью. Пока я не забуду сам себя в среде тетрадных созиданий признака не существования Другого берега реки прощания.

